

УДК 1:3 + 172.1

ФИЛОСОФСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В МОРАЛЬНОМ ВЫБОРЕ ГРАЖДАНИНА

Миронов А. В.

*Гуманитарно-педагогический институт Севастопольского государственного университета, г.
Севастополь, Российская Федерация*

E-mail: andreymironov@gmail.com

В статье рассматриваются обоснования государственного контроля в области морали. Проводится анализ философских концепций Платона и Т. Гоббса, в которых представлены схемы вмешательства власти в нравственный выбор гражданина. Данные теории исследуются в контексте социальной ситуации, определяющей особенности поведения гражданина, его обязанности и право на моральный выбор. Формируется схема соотношения политических причин и следствий, детерминирующих становление механизма воздействия на нравственные отношения в обществе. Выделяется соотношение гражданской позиции и властных интересов в поисках компромисса, отвечающего эффективному социальному взаимодействию.

Ключевые слова: государственное регулирование в морали, обязанности, общественный договор, чувство страха, своеволие, естественное состояние.

Социальные противоречия, возникающие в обществе, вносят коррективы в принятые обществом моральные стандарты и отражают конфликт интересов между личностью и социумом, гражданином и государством, группой и оформившимся социальным объединением. В процессе коллективного взаимодействия раскрываются тенденции, представляющие угрозу общезначимым ценностям, которые консолидируют граждан и направляют на реализацию общих целей – в них выражается заинтересованность в результатах совместной деятельности. Моральная деформация в таких условиях становится сдерживающим фактором развития общественной системы, так как негативно влияет на установление атмосферы доверия и согласия, на мотивацию индивидов к эффективному сотрудничеству. Вмешательство и попытки регулирования нравственной сферы со стороны государства встречают различную реакцию гражданского сообщества, и это актуализирует обращение к историческому опыту философской рефлексии этого вопроса, так как она способна затронуть фундаментальные принципы социальной коммуникации и мировоззрения личности. Рассмотрение проблемы морального выбора в контексте задачи согласования индивидуальных притязаний и государственных требований обнаруживает такую специфику взаимоотношений между гражданином и государством, которая способна трансформироваться в устойчивые идеологемы общественной жизни.

Задачи статьи: 1) анализ исторических причин государственного регулирования в области моральных отношений, 2) выявление особенностей влияния социально-политической ситуации на формирование нравственного стандарта гражданина, 3) установление закономерностей взаимодействия между властью и индивидом, которое трансформируется в моральный консенсус, тождественный взаимным интересам. Сравнительный обзор положений философии Платона и Т. Гоббса, совпадающих в авторитарной тенденции, но имеющих различные обоснования, позволяет выделить универсальную парадигму государственной монополии в пространстве нравственных связей. Историко-сравнительный метод, используемый в статье, способствует структурированию основных положений с учетом конкретной социальной ситуации и, тем самым, предоставляет возможность определить генезис смысловых составляющих механизма воздействия на социальную сущность человека. Междисциплинарный подход допускает привлечение политологической и религиоведческой литературы, что расширяет диапазон рассмотрения данного феномена.

Проблематика государственного контроля в моральной сфере получила широкое рассмотрение в англоязычной литературе как исключительный феномен, противоречащий основным положениям о правах личности на индивидуальную реализацию. Данная тема анализировалась в сравнении с концепцией Д. Локка о неотъемлемом праве гражданина выбирать свой собственный образ жизни, включая моральные приоритеты [1; 2; 3]. Ряд авторов в своих исследованиях стремились определить особенности моральной философии в контексте исторических и философских исканий XVII века [4; 5; 6; 7]. Интересный подход в интерпретации морального выбора представлен В. Ф. Сейновым и А. Б. Рукавишниковым [8]. В контексте информационной безопасности тема получила новый ракурс рассмотрения [9]. Данная проблематика во многом послужила основанием для формирования этики солидарности, предложенной П. А. Кропоткиным [10].

Отличительной чертой социальной нестабильности, обусловленной сложностями общественно-политических изменений, является принципиальная переоценка ценностных установок гражданина, связанная с трансформацией моральных векторов в новых условиях. Нарушение гармонии личных и общественных интересов, падение престижа государства, церкви, института семьи, умаление значения человеческой жизни разрушают привычный уклад существования и вместе с ним устойчивые эталоны поведения, что формирует социальный запрос на регулирование межличностных отношений силой, освященной непререкаемым авторитетом. Представления о долге, об обязанностях гражданина перед социальной системой, о добродетелях и пороках, о справедливости в такой ситуации нуждались не только в теоретическом обосновании, но и в практическом воплощении с помощью государственного принуждения.

Распад традиционной системы государственных институтов сопровождается мучительными нравственными исканиями личности. Моральные учения прошлого (поздний стоицизм, эпикурейство) предлагали различные пути ценностной эмансипации человека от задач, стоящих перед социальной общностью, переноса

целей самореализации из общественной сферы в частное пространство, в поиски достижения личного счастья. Гражданские приоритеты – патриотизм, мужество, бескорыстное служение Отечеству – подменяются эгоизмом, космополитизмом, социальной пассивностью, которые располагают человека к эскапизму, отрешенности от мира и индивидуальному выбору смысла жизни. Другой путь предлагали теории, направленные на усиление государственной власти, которая должна была утвердить единый стандарт в понимании добра и зла и, тем самым, создать условия для дальнейшего процветания социума и всех его членов. Основным мотивом авторов данных философских концепций служило, надо думать, желание помочь согражданам в преодолении нарастающего или уже состоявшегося кризиса, охватывающего все области социального участия индивида.

В эпоху расцвета античного общества мораль выступала средством духовного единения. Могущество государства в условиях постоянных войн, угрозы внешнего вторжения недружественных народов становилось фактором, определяющим направленность действий гражданина, так как взаимозависимость между ним и властью раскрывалась в парных понятиях: жизнь – смерть, свобода – рабство, достаток – нищета. Социальные добродетели составляли основу поведенческого каркаса. При этом содержание понятия «благо» – одно из наиболее важных в определении статуса действий индивида – расширяется за счет наполнения идеями всеобщих политических, экономических, культурных интересов, а личность признается моральной в том случае, когда она служит этим целям. Идеальное государство Платона являло пример такого соединения человека и власти, осуществление которого возможно при единственном условии: гражданин воспринимает себя подчиненной единицей системы универсального регулирования и не пытается конструировать свой собственный способ жизни, восприятия, оценки социальной реальности согласно природной сущности. По мнению Платона, это лишило бы человека преимуществ общественной жизни: солидарности, взаимопомощи, содержательной коммуникации.

Совокупность нравственных ориентиров, одобренных таким идеальным государством, должна была стать демаркационной линией между эгоистической предрасположенностью индивида, представляющей угрозу для большинства граждан своей непредсказуемостью, иррациональностью, корыстной направленностью и социально выверенными обязанностями, соответствующими благу всех и каждого. Переход этой черты оборачивался для полиса мятежами, народными волнениями, периодами внутренней нестабильности, что обуславливало возможность социальной катастрофы. Исходя из потенциальной опасности всеобщего кризиса, государство ограждает человека от самого себя, возлагая надзор за формированием и реализацией моральных ценностей на властные структуры, и, таким образом, контролирует не только внешние проявления, но и внутреннюю сущность, раскрывающуюся в нравственном творчестве личности. Основным понятием социального взаимодействия в таком полисе являлась справедливость, с помощью которой граждане определяют баланс индивидуальных и общезначимых интересов. Ее претворение, по Платону, возможно только в упорядоченной системе с абсолютными критериями оценки поступка. « ... дадим полную волю любому

человеку, как справедливому, так и не справедливому, творить все, что ему угодно ... Мы поймаем справедливого человека с поличным: он готов пойти на то же самое, что и несправедливый, – причина тут в корысти, к которой, как к благу стремится любая природа и только с помощью закона, насильственно, ее заставляют соблюдать надлежащую меру» – пишет он [11, С. 132].

Всякое государство должно выступать гарантом законности. Однако стремление к подчинению морали прагматическим интересам политической доминанты оборачивается утверждением жесткой парадигмы, в рамках которой человек должен признать свою личностную несостоятельность в вопросах, касающихся установления отношений с согражданами, выборе приоритетов в направленности социально ориентированных действий, определении точек соприкосновения с другими (национальность, взгляды, убеждения). Понижая самооценку, в силу декларируемой неспособности разобраться в нравственных коллизиях, индивид может попасть в духовную зависимость от тотальной опеки со стороны государства, не позволяющей ему вернуться в природное состояние, ассоциирующееся с дикостью и варварством. Тогда мораль отчуждается от гражданина и становится чем-то внешним по отношению к нему, так как лишенный выбора при принятии решений индивид утрачивает эмоциональную и рациональную связь с регулируемыми правилами поведения. Поддержание закрытости территорий от контактов с иноземцами, контроль за проведением досуга, вмешательство в частную сферу отношений между полами может стать средством утверждения единственной преференции морального выбора – долга перед государством.

Построение философской конструкции, в которой государство становится высшей инстанцией в вопросах морали, осуществлялось не один раз, и всегда было связано с переломными периодами истории. Чувство неуверенности, бессилия, растерянности инициирует потребность в появлении нового вектора социальной направленности, отвечающего условиям переустройства общества и предлагающего устойчивые стандарты в межличностных коммуникациях. В XVII веке Англия переживала внутренние потрясения (гражданская война, казнь Карла I, диктатура Кромвеля), что порождало дух сомнения в незыблемости моральных устоев. «Тут редко проходит день, о котором нельзя было бы сказать, что он не состряпал или смастерил новое мнение. Некоторые доходят даже до такого утонченного непостоянства в этом отношении, что считают мнение чем-то однодневным, что едва ли стоит сохранять по прошествию одного, двух дней» – пишет по этому поводу Г. Т. Бокль [12, С. 145]. В своей политической философии Гоббс пытается совместить апологию монархии с рационально выверенной нравственной схемой, в которой, по его мнению, устраняются противоречия между личной свободой и интересами социума путем подмены моральных принципов положениями властного утилитаризма и целесообразности.

Т. Гоббс использует в качестве обоснования государственного регулирования морали чувство страха, превращая его в универсальный манипулятор общественным мнением. Описывая картины «естественного состояния», в котором индивид руководствуется эгоизмом, страхом, жаждой наслаждения и корыстью,

Т. Гоббс опирается на предпосылку о невозможности человека решить проблемы всеобщего доверия и согласия собственными силами. «Война всех против всех» есть опасность, как для отдельного гражданина, так и для всей системы в целом. Вражда свойственна, по мнению автора «Левиафана», каждому и выступает причиной взаимного соперничества. Моральные проявления в таких обстоятельствах невозможны: подчиняясь страстям, человек оправдывает любые свои действия и входит в противостояние с желаниями другого, что переводит конфликт в непримиримую фазу, исключая взаимные обязательства. Как точно подметил Х. Уоррендер, «царство природы – моральный вакуум» [13, С. 5].

Страх, как известно, представлен в двух проекциях: как постоянная угроза жизни и как стимул искать выход из создавшегося положения. По силе воздействия это эмоциональное состояние не может сравниться ни с каким другим, свойственным человеку, поэтому угроза неизбежно ведет к поиску возможного компромисса между естественным и искусственным. Государство не является природным образованием, а компромисс между ним и природой естественно предполагает гармонию личных и общественных интересов. Человеческая способность видеть в Другом самого себя и распространять восприятие своей негативной сущности (человек – существо, обладающее разумом и способное предвидеть последствия своих поступков) на всех окружающих содействует согласию субъекта на ограничение собственного своеволия внешней силой, представляющей значимость для всех участников общественного процесса.

Договор между согражданами должен был защитить жизнь, частную собственность, личностное пространство индивида от враждебных посягательств. Определяющей платформой Т. Гоббс предлагает считать мирное существование как абсолютное добро, опирающееся на естественное право самосохранения. Состояние мира предоставляет гражданину руководствоваться правилами морали, так как нейтрализуется постоянная угроза смерти и расширяется спектр личностного выбора. Данная точка зрения связана с англосаксонской традицией, в которой власть короля вытекает из его статуса «высшего охранителя мира». Со времен феодальной раздробленности в актах об уголовном наказании были предусмотрены статьи, направленные против «возмутителей и нарушителей спокойствия». Способность утвердить мир и поддерживать его для англичан ассоциировалась с прочной государственной властью, вызывающей уважение подданных. Т. Гоббс определял мирное сосуществование центральным положением гражданской жизни, тождественным общезначимому благу, которое определяет все моральные аспекты поведения индивида. «Атомарные» индивиды, не объединенные в общественную систему, являют взаимную опасность и только в государственном состоянии получают ряд фундаментальных преимуществ. «1) Защита от внешних врагов, 2) сохранение внутреннего мира, 3) обогащение, поскольку оно совместимо с общественной безопасностью, 4) наслаждение свободой, не приносящей вреда» - пишет о них Т. Гоббс [14, С. 376]. Привлекательность этого состояния заставляла выполнить условие: гражданин должен принять в качестве доминанты поступков волю власти, так как, в противном случае, может нарушиться равновесие интересов между участниками договора о гражданском взаимодействии. Происходит

потенциальный взаимообмен правом распоряжаться собственной личностью в полном диапазоне возможностей на обещание мира и спокойствия со стороны государства.

В логике социальных контактов, предложенной Т. Гоббсом, суверен символизирует деятельное добро, связанное с всеобщим устремлением к процветанию. Установление моральных прерогатив в данном контексте охватывает интересы большинства граждан, испытывающих потребность в эталонах и стандартах самореализации, чтобы, таким образом, иметь возможность получить выгоду от нахождения в социуме. Тотальная регламентация, исходящая от лица, наделенного авторитетом власти (что является определяющей предпосылкой всей причинно-следственной связи, положенной в основу рассуждений английского мыслителя) формирует взаимоприемлемые отношения между согражданами в дозволенных границах. Коль скоро мораль подразумевает свободу личностно определяемого выбора линии поведения, то опасаясь своеволия человека, Т. Гоббс подкрепляет ее законами, имеющими нравственный смысл, что усиливает позиции государства, с одной стороны, и в тоже время обеспечивает благополучием весь народ. Социальная нагрузка нравственности и законов совпадает в целях, поэтому они выступают как единое целое. «Только в государстве существует всеобщий масштаб для измерения добродетелей и пороков. И таким масштабом могут поэтому служить лишь законы каждого государства» – пишет Т. Гоббс [14, С. 261]. Такая ситуация предполагает жесткий ригоризм в истолковании мотивации, исключая иные факторы морального процесса: совесть, общественное мнение, гражданское чувство.

Объединение естественных и моральных правил получает у Гоббса название «гражданских» законов, тождественных воле суверена. Они контролируются государственными институтами, наделенными карательными функциями и силой авторитета. Гражданские законы должны стать единственным регулятором, определяющим жизнь индивида в социуме, поглощая при этом остальные формы общественной ориентации личности. Но Т. Гоббс допускает возможность противоречия между двумя формами поведенческой регламентации, исходящего из потенциального конфликта объективного и субъективного в восприятии законов. В качестве решения проблемы предлагается посылка о непогрешимости верховной власти, тогда все моральные установки будут освящены в сознании подданных ее авторитетом. Подобная ситуация имеет последствием трансформацию морали из самостоятельной формы общественного сознания в зависимую от политической целесообразности, интересов монархии, честолюбия правителей и разрушает внутреннюю мотивацию морального поступка. Монополия государственной власти на нравственную жизнь человека сводит индивидуальное начало исключительно к самосохранению в виде естественного страха за существование.

Понимание и различение добродетелей и пороков гражданами обычно определяет тенденции морального совершенствования, задает цели личностного роста, культивирует ценности, направленные к всеобщему благу. Они предписывают баланс интересов между частным и общественным, формируя или атмосферу эффективной коммуникации, или разобщенности и радикального

индивидуализма. В них концентрируется основная гражданская мотивация, раскрывающаяся в солидарности с государственными структурами и, в силу этого, придающая им характер стабильности. Приоритеты социального мироощущения признаются большинством граждан полезными в том случае, если их реализация совпадает с практической значимостью, выраженной в удовлетворении от полученных результатов, а политическая конъюнктура способна оказывать влияние на выбор индивидом моральных качеств. Тогда как поведенческие императивы, предлагаемые Т. Гоббсом, должны были быть направлены на служение существующему политическому строю, к тому же Англия к этому времени имела печальный опыт социальных потрясений, связанных со сменой форм правления. Абсолютизация власти в общественном сознании должна была благотворно сказаться на устойчивости закрепленных моральных паттернов, отвечающих взаимным интересам. Гражданин ограничивался в своих проявлениях жесткими рамками государственных потребностей и расчетов. «Добрыми нравами, т. е. моральными добродетелями являются такие нравы, благодаря которым однажды возникшая государственная организация лучше всего может сохраниться» – пишет автор «Левиафана» [14, С. 262]. Отказывая единичному разуму, коллективному мнению в формировании обязанностей и противопоставляя им волю суверена как единственный фактор, определяющий моральные ориентиры подданных, Т. Гоббс руководствуется идеей преодоления разобщенности, содержащей латентную угрозу всеобщего конфликта. Долг перед социумом перестал быть правом личности, несущей ответственность за выбранные решения в процессе поиска нравственных форм поведения, соответствующих духовным ценностям индивида. Он сталкивается в духе строгого исполнения обязанностей, от которого зависит прочность общественного договора. Государство может вносить коррективы в устоявшееся, традиционное представление о долге, руководствуясь своей заинтересованностью в том, чтобы направить действия индивида в сторону служения существующей власти. В ситуации заговоров, опасностей иностранной интервенции, борьбы за престолонаследие истинное и ложное понимание своего долга и обязанностей перед согражданами всегда выступало средством самоидентификации личности в политическом противостоянии. Государственная позиция в выборе критериев участия в потенциальном или реальном конфликте служила основой для национального объединения и, тем самым, гарантировала покой и порядок в социуме, что в условиях буржуазного стремления к благополучию считалось первостепенной задачей.

Морально должное в теории Т. Гоббса включает априорное признание приказа суверена как нерушимое правило поведения, совпадающее с религиозным принципом подчинения Высшему, что требуется государственной идеологией, определяемой договором между подданными и монархом. Смирение, как моральное качество, интерпретируется в двух плоскостях: служение сверхъестественному началу и земному властелину. Эти отношения носят характер императивности, исключая фактор поощрения или наказания, обоснованный корыстными ожиданиями. «Оно (действие – А. М.) становится справедливым или несправедливым в результате осуществления права повелителя» – пишет Т. Гоббс

[15, С. 370]. В условиях переустройства английской модели общественных отношений (прежде всего между индивидом и государством) форма политической диктатуры максимально соответствовала предложенной концепции социальной коммуникации, так как моральная автономия гражданина содержала потенциальный импульс несогласия с действующими законами и могла быть реализована в противоправных действиях. Личность, руководствующаяся собственной мотивацией в выборе приемлемых или неприемлемых для нее обязанностей, являлась неблагонадежной с точки зрения властных структур. Неслучайно роялисты подозревали Т. Гоббса в симпатиях к установленному О. Кромвелем протекторату, характерной чертой которого была демонстрация сильной власти и нетерпимость к любому инакомыслию. Единственной посылкой, оправдывающей данный формат гражданских связей, служило положение о непогрешимости верховной власти в лице суверена, который выводится за рамки законов, установленных для всех остальных благодаря наделению исключительным статусом, носящим как религиозный, так и светский характер – гаранта мира в государстве. Переход человека из *status naturalis* в *status civilis* раскрывается в ограничении своеволия всех и каждого, тем самым утверждая общественную мораль, но с условием концентрации всех прав в руках суверена, что позволяет ему регулировать моральные отношения, исходя из личных представлений.

Рассмотренные концепции Платона и Т. Гоббса о праве государства на тотальный контроль в моральном пространстве объединяют следующие положения: 1) учет опасности внутренних социальных потрясений, представляющих угрозу общественной безопасности, 2) поиск универсальной платформы сотрудничества, включающей взаимные интересы между гражданами и властью, 3) утверждение рационально обоснованной теории обязанностей гражданина. Обоснованием ограничения индивида в моральном выборе служит использование чувства страха перед соотечественниками, выступающими угрозой стабильности существования. В традиции античного патриотизма оно выступает как препятствие возвращению человека в животное состояние, что влечет утрату гражданского статуса индивида, воспринимаемого как высшее достижение полисного устройства. Только государство, представляющее структуру, в которой реализуется ценностная коммуникация гражданина, способно, исходя из принципов общего блага, предотвратить регресс человеческой природы и предложить консенсус интересов социального и естественного. Предложенная Т. Гоббсом схема регулирования государством моральных отношений граждан возникает как ответ на политические и социальные перемены, происходящие в Англии в первой половине XVII века. Манипулирование чувством страха и превращение его в основной стимул мотивации граждан к выполнению моральных правил предполагало право власти использовать его для формирования нравственных требований, включающих утилитарные принципы взаимодействия участников общественного договора. Основные желания индивида (жизнь, защита частной собственности, материальное благополучие, комфортное существование) становились факторами обмена между гражданином и государством: свобода погашалась социальной стабильностью. В такой ситуации вмешательство государства в нравственную сферу становится

естественным и на его основе выстраивается система выгодных для него (в лице правителя) моральных обязанностей, тем самым индивид лишается возможности выбора ценностных ориентиров. Доминирование апологии власти в нравственных отношениях превращает гражданина в исполнителя чужой воли, но не снимает личностную ответственность за принятые решения и способствует сохранению причин социального конфликта в латентном состоянии. Разрешение подобной ситуации предполагает диалог общества и властных структур, результатом которого должно стать установление баланса интересов взаимодействующих сторон в моральном выборе гражданина.

Список литературы

1. Bowle J. Minos and Minotaur? The dilemma of political power / J. Bowle. – Lnd: Cape, 1956. – 209 p.
2. Eisenach E. J. Two worlds of liberalism: religion and politics in Hobbes, Locke, Mill / E. J. Eisenach. – Chicago, Lnd: Univercity of Chicago, 1981. – 262 p.
3. Leiden W. Hobbes and Locke: politica of freedom and obligation / W. Leiden. – N.Y.: St. Martin's press, 1982. – 253 p.
4. Bertman M. Hobbes. The natural and artifacted good / M. Bertman. – Bern, Frankfurt: M, Las Vegas: Lang, 1981. – 158 p.
5. Oakeshott M. Rationalism in politics / M. Oakeshott. – N.Y. and Lnd: Methuen, 1981. – 333 p.
6. Hampton J. Hobbes and social contract tradition / J. Hampton. – Cambridge university press, 1986. – 299 p.
7. Lemos R. M. Hobbes and Locke. Power and consent / R. Lemos. – Athens: Univesity of Georgia press, 1978. – 185 p.
8. Сейнов В. Ф., Рукавишников А. Б. Диалектика натурализма и историзма в социальной философии Нового времени // Вестник Ленинградского университета. – 1987. – Серия 6. – Вып. 4. – № 27.
9. Гарас Л. Н. Информационный суверенитет в контексте национальной безопасности России // Российская государственность в XXI веке: модели и перспективы социально-политического развития. Материалы научно-практической конференции. Издательство: Владимирский филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». г. Владимир, 13 октября 2017. – С. 47–50.
10. Кропоткин П. А. Этика: Избранные труды / П. А. Кропоткин. – М.: Политиздат, 1991. – 496 с.
11. Платон. Сочинения / Платон. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. Ч. 1. – 483 с.
12. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. – С-Пб.: Павленков, 1895. – 628 с.
13. Warrender H. The political philosophy of Hobbes, his theory of obligation / H. Warrender. – Oxford: Clarendon press, 1957. – 347 p.
14. Гоббс Т. Избранные произведения / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1964. – Т. 2. – 743 с.
15. Гоббс Т. Избранные произведения / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1964. – Т.1. – 583 с.

Mironov A. V. Philosophical Interpretations of State Regulation in Moral Space // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2018. – Vol. 4 (70). – № 4. – P. 144–153.

The article discusses the rationale of state control in the field of morality. The analysis of the philosophical concepts of Plato and T. Hobbes, which presents the scheme of government intervention in the moral choice of the citizen. These theories are studied in the context of the social situation that determines the behavior of a citizen, his duties and the right to moral choice. A scheme of correlation of political causes and consequences determining the formation of the mechanism of influence on moral relations in society is formed. The correlation of civil position and power interests in search of a compromise that meets the effective social interaction is highlighted.

Keywords: state regulation in morality, duties, social contract, feeling of fear, self-will, natural state.

References

1. Bowle J. Minos and Minotaur? The Dilemma of Political Power. London, Cape, 1956, 209 p.
2. Eisenach E. J. Two Worlds of Liberalism: Religion and Politics in Hobbes, Locke, Mill. Chicago, London, University of Chicago, 1981, 262 p.
3. Leiden W. Hobbes and Locke: Politica of Freedom and Obligation. N.Y., St. Martin's press, 1982, 253 p.
4. Bertman M. Hobbes. The Natural and Artificed Good. Bern, Frankfurt, M, Las Vegas, Lang, 1981, 158 p.
5. Oakeshott M. Rationalism in Politics. N.Y. and London, Methuen, 1981, 333 p.
6. Hampton J. Hobbes and Social Contract Tradition. Cambridge university press, 1986, 299 p.
7. Lemos R. M. Hobbes and Locke. Power and Consent. Athens, Univesity of Georgia press, 1978, 185 p.
8. Seynov V. F., Rukavishnikov A. B. Dialektika naturalizma i istorizma v sotsialnoy filosofii [The Dialectic of Naturalism and Historicism in the Social Philosophy of the New Time]. Vestnik Leningradskogo universiteta [Bulletin of Leningrad University], 1987, Ser. 6, Issue 4, No. 27.
9. Garas L. N. Informatsionnyy suverenitet v kontekste natsionalnoy bezopasnosti Rossii [Information Sovereignty in the Context of Russia's National Security]. Rossiyskaya gosudarstvennost v XXI veke: modeli i perspektivy sotsialno-politicheskogo razvitiya. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Russian Statehood in the Twenty-first Century: Patterns and Prospects of Socio-political Development. Materials of Scientific and Practical Conference]. Vladimir: Vladimir branch of the "Russian Academy of national economy and state service under the President of the Russian Federation», 13 October 2017, p. 47–50.
10. Kropotkin P. A. Etika: Izbrannyye trudy [Ethics: Selected Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 496 p.
11. Platon. Sochineniya [Works]. Moscow, Mysl publ., 1971, Vol. 3, Ch. 1, 483 p.
12. Bokl G. T. Istoriya tsivilizatsii v Anglii [The History of Civilization in England]. SPb., Pavlenkov publ., 1895, 628 p.
13. Warrender H. The political philosophy of Hobbes, his theory of obligation. Oxford, Clarendon press, 1957, 347 p.
14. Hobbs T. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Mysl publ., 1964, Vol. 2, 743 p.
15. Hobbs T. Izbrannyye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, Mysl publ., 1964, Vol. 1, 583 p.